

Научная статья
УДК 394.1
doi: 10.17223/2312461X/38/12

Связность компонентов окружающего пространства жителей села Русское Устье как адаптивный ресурс

Николай Сергеевич Гончаров

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия, nikola.goncharov@yandex.ru*

Аннотация. Исследуется связность компонентов окружающего пространства жителей села Русское Устье Аллаиховского района Республики Саха (Якутия). Основным источником информации являются данные, собранные автором в ходе экспедиции 2019 г. Цель – определить на примере арктического села значение связности компонентов окружающего пространства местных жителей в процессе адаптации к локальным экологическим и экономическим условиям, характеризующимся дефицитом ресурсов, труднодоступностью, тесными социальными контактами. Проанализированы такие составляющие области повседневных взаимодействий людей и окружающей среды, как дискурсивная, практическая, материальная связь, родственные отношения и память, а также выделены два режима функционирования локального пространства: единое дифференцированное (село как целое) и разделённое на однородные модули промысловых участков. Сделан вывод о том, что увеличение количества связей между объектами окружающего пространства создаёт подходящую инфраструктуру для того, чтобы отдельные компоненты этой среды давали синергетический эффект и результат, необходимый местным жителям для выполнения повседневных задач, достижения чувства комфорта и безопасности. В результате увеличения связности формируется поле отношений, в котором отдельные элементы становятся не просто хаотичным набором объектов и практик, но выступают в качестве «букв» одного «алфавита». Кроме того, предложено дополнение к концепциям Т. Ингольда и К. Барад, в соответствии с которыми принцип взаимосвязанного формирования объектов выступает не как тотальный и однородный атрибут всех процессов, но позиционируется в качестве явления, обладающего временной и пространственной локализацией, которая, по мнению Ю.В. Кнзорова, отражается в виде повышенной взаимной связи между взаимодействующими компонентами.

Ключевые слова: Якутия, Русское Устье, связность, плотность, материальность

Благодарности: Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 18-18-00309 «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений»), рук. – В.Н. Давыдов).

Для цитирования: Гончаров Н.С. Связность компонентов окружающего пространства жителей села Русское Устье как адаптивный ресурс // Сибирские исторические исследования. 2022. № 4. С. 221–249. doi: 10.17223/2312461X/38/12

Original article

doi: 10.17223/2312461X/38/12

Connectivity of the Environmental Components of the Inhabitants of Russkoie Ustie Village as an Adaptive Resource

Nikolai S. Goncharov

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation,
nikola.gon4arov@yandex.ru*

Abstract. The article explores the connectivity of the components of the environment of the inhabitants of the village of Russkoie Ustie, Allaikhovskii District, Republic of Sakha (Yakutia). The main source of the work is the data collected by the author during the fieldwork in 2019. The aim of the article is to identify the role of the components' connectivity of the surrounding space of local residents in acting as a way of adapting to local environmental and economic conditions characterized by a shortage of resources, inaccessibility, and close social contacts. Components of the area of everyday interactions between people and the environment are analyzed, such as discursive, practical, material communication, family relations and memory, and two modes of functioning of the local space are identified: a single differentiated one (village as a whole) and divided into homogeneous modules of fishing areas. It is concluded that an increase in the number of connections between objects of the environment creates a suitable infrastructure for the individual components to give a synergistic effect and the result necessary for local residents to perform everyday tasks, achieve a sense of comfort and security. Because of the increase in connectivity, a field of relations is formed in which individual elements become not just a chaotic set of objects and practices, but act as "letters" of one "alphabet". An addition to the concepts of T. Ingold and K. Barad is also proposed, according to which the principle of interconnected formation of objects does not act as a total and homogeneous attribute of all processes, but is positioned as a phenomenon with temporal and spatial localization, which is reflected in the form "increased mutual connection" between interacting components (Knorozov 2018).

Keywords: Yakutia, Russkoie Ustie, connectivity, density, materiality

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (grant No. 18-18-00309 "Energy of the Arctic and Siberia: Resource Use in the Context of Socio-Economic and Environmental Changes", head – V.N. Davydov).

For citation: Goncharov, N.S. (2022) Connectivity of the Environmental Components of the Inhabitants of Russkoie Ustie Village as an Adaptive Resource. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 221–249 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/38/12

Введение

Для того чтобы адаптироваться к арктическим условиям изолированности, ресурсного дефицита и экстремального климата, жители Севера используют множество стратегий. В статье я остановлюсь на такой особенности освоения пространства, как плотность связей, под которой понимаю то, насколько тесно переплетены компоненты окружающей среды со сферой жизнеобеспечения людей. Исследователи традиционной культуры и коренного населения часто отмечают фундаментальное значение локальной природной среды для формирования системы жизнеобеспечения социальных групп. Например, Е.Н. Романова пишет о северных якутах следующее: «...диалог человека с миром Природы, с окружающей средой создавал своеобразный кодекс взаимоотношений. Человек включался в природу, соотнося с ней свою хозяйственную, социальную, ритуальную и биологическую жизнь» (Романова 2003: 79). Высокая степень скоррелированности отношений между людьми, их занятиями и средой проживания приводила к формированию континуума практик и включению всех этапов преобразований используемых ресурсов в структуру повседневности локальных сообществ. Окружающая среда плотно заполняла сферы жизнедеятельности населения, начиная от утилитарно-бытовых предметов и задач и заканчивая мифологическими представлениями (Василевич 1969).

С одной стороны, местные жители до определённого периода не могли получать компоненты жизнеобеспечения (пищу, одежду, технику и пр.) извне и были вынуждены изобретать способы автономного существования в имеющихся обстоятельствах; с другой стороны, такое существование один на один с необходимостью адаптироваться к природным условиям открывало особую модальность использования того набора материальных элементов, который имелся в наличии. Такой способ жизнеобеспечения приводил к тому, что объекты, задействованные в повседневной жизни: а) отличались полифункциональностью и могли занимать параллельно множество ниш в структуре жизнеобеспечения (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018); б) не обладали устойчивым набором характеристик, но подвергались постоянному переосмыслению и детализации возможностей в ходе их обработки и использования (Davudov 2017); в) не имели чёткой границы, позволявшей разделить «природу» и «культуру», и характеризовались плавными переходами из одного состояния в другое. Высказывание Ф. Дескола может считаться актуальным и для коренных жителей Северной Якутии: «Само понятие “природа” может быть здесь употреблено лишь весьма условно. О какой “природе” может идти речь в той космологии, где животные и растения наделяются множеством черт, свойственных человеку? <...> здесь <...> природу не считают ни каким-то трансцен-

дентным явлением, ни объектом, которому нужно придать социальный статус; она является субъектом общественных отношений, продолжением человека; она – часть его домашнего очага, даже в каких-то невероятных мелочах» (Дескола 2012: 18–19). Большая зависимость людей от ограниченного набора ресурсов приводила к проявлению системных свойств в способах адаптации к окружающей среде, которые являлись следствием оптимизации энергетических режимов местных сообществ (в советской литературе эта системность была концептуализирована в теории хозяйственно-культурных типов (Левин, Чебоксаров 1955)).

С возникновением СССР ситуация изменилась, поскольку появились качественно новые условия жизнедеятельности: создавалась стационарная поселковая инфраструктура, менялась материальная и духовная культура, усиливалось административно-правовое регулирование, огромную роль во всех сферах общества стало играть государство, определяющее векторы развития хозяйства, быта и духовной жизни (Филиппова 2007). После 1991 г. поддерживающая экономическое состояние региона инфраструктура пришла в упадок, что актуализировало разветвлённые навыки адаптации местных жителей к окружающей среде. В тесном кругу взаимодействий с тех пор оказались не только объекты природы и местной традиции, но и некогда «внешние» для региона инфраструктурные конструкции и элементы техники, плотно переплетённые с социальными и природными ритмами: возникла необходимость устоявшимися и оригинальными способами обеспечивать их функционирование и согласованность для поддержания привычной жизни населённых пунктов. Недостаток кадров, ресурсов, проблемы транспортной доступности, износ коммуникаций, техники и зданий привели к тому, что увеличение связей между объектами материальной культуры, позволяющих компенсировать и стабилизировать возникающие проблемы их эксплуатации, стало одной из важных адаптивных стратегий населения Севера. Таким образом, целью статьи является определить значение связности компонентов окружающего пространства местных жителей села Русское Устье в процессе адаптации к локальным экологическим и экономическим условиям.

Теоретическая конструкция

В качестве методологического инструментария я буду опираться на понятие комплекса, которым оперировал С.М. Широкогоров, понимая под ним саморегулирующуюся совокупность этнографических элементов, характерных для сообщества и направленных на достижение состояния равновесия коллектива людей в окружающих социальных и экологических обстоятельствах (Широкогоров 2017: 30–31). Мне важно отразить и показать, что люди осваивают пространство, ис-

пользуют ресурсы, занимаются своими повседневными задачами не точно и хаотично. Использование одного объекта позволяет «достроить» другой объект или произвести его «тонкую настройку» (Bereznitsky 2022), что соотносится с концептом «world without objects», предложенным Тимом Ингольдом (Ingold 2014). В соответствии с его подходом, мир человека состоит не из отдельных завершённых объектов, которые можно посчитать и проанализировать, получив тем самым исчерпывающее знание; он находится в постоянном становлении взаимосвязанных компонентов, которые приводят к появлению друг друга: «beings of all kinds, more or less person-like or thing-like, continually and reciprocally bring one another into existence» (Ingold 2011: 68).

Кроме того, в этом контексте для меня актуален подход К. Барад, которая призывает отказаться от «геометрической оптики» репрезентативизма, допускающего наличие сформированных сущностей, которые лишь выражаются (репрезентируются) с помощью языка (Barad 2003: 802–803). В противовес устоявшемуся эпистемологическим рамкам К. Барад развивает материалистический перформативизм и предлагает использовать такие исследовательские инструменты, как «агентивный реализм» (agential realism) и «интра-активность» (intra-activity). Согласно разрабатываемой ею концепции, явления не существуют до того, как они вступили во взаимодействие; их онтологический статус формируется именно в процессе контакта разных «объектов» – «интра-акции». Если обратиться к арктическим примерам, то можно увидеть, как онтологическое и практическое положение объектов в условиях дефицита ресурсов укрепляется и становится более эффективным именно в контексте повышенной связности между используемыми элементами практической деятельности. По этой причине мне представляется возможным и продуктивным использовать указанные выше теоретические разработки.

Полевые исследования

Село Русское Устье Аллаиховского района Якутии расположено в дельте реки Индигирки, в 80 км от Восточно-Сибирского моря. В 2019 г. в селе проживало 127 человек (Численность населения... 2019). Единственным доступным способом связи с «материком» для местных жителей выступает авиасообщение. Расстояние от ближайшего аэропорта в районном центре – пос. Чокурдах до Якутска 1 243 км, рейс выполняют самолёты АН-24 два раза в неделю. Изолированность территории усиливается высокой стоимостью авиабилетов – дорога в одну сторону обходится минимум в 26 тыс. руб. Следует отметить, что работники бюджетного сектора экономики раз в два года имеют возможность бесплатного проезда в места отдыха. С февраля в районе

функционирует автозимник, используемый преимущественно для заво­за ресурсов и вывоза выловленной рыбы с целью её сбыта. Основные товары доставляются в период навигации из Якутска в Чокурдах, куда приходят крупные рефрижераторные суда в конце августа–сентябре (порой из-за обмеления Индигирки суда не всегда могут войти из моря в устье реки; информанты рассказывали, что иногда это приводит к необходимости вызывать вертолёты МЧС для разгрузки застрявших в устье кораблей). Из районного центра в село ресурсы перемещают на лодках и снегоходах, сезон активного использования последних начинается с установлением в октябре снежного покрова. Таким образом, режимы мобильности местных жителей сильно привязаны к природным ритмам, экономическим показателям, устанавливаемым внешними акторами, и динамикой привозных ресурсов. Следовательно, стратегии перемещения людей внутри района или за его пределами представляют собой многоступенчатую структуру согласованностей и сонастроенностей.

Основной сферой занятости населения является рыболовство. Производственный кооператив «Русское Устье» стал важной мерой социально-экономической адаптации местных жителей в нелегкие 1990-е гг. после распада совхоза «Аллаиховский». Руководству кооператива удалось наладить каналы поставок ценных сортов рыбы в Якутск, откуда местные жители снабжаются лодками, моторами, неводами и прочим рыболовецким инвентарём и за что получают зарплату. В настоящее время практически всё мужское население, не занятое в сферах жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) и на дизельной электростанции (ДЭС), вовлечено в рыболовецкий промысел летом и зимой. В селе также находятся 9-летняя школа, детский сад, дом культуры, пекарня, фельдшерско-акушерский пункт, администрация, почта.

Полевая работа в Аллаиховском районе проводилась мною в августе и сентябре 2019 г.; в результате было взято 77 интервью с жителями Русского Устья и районного центра – пос. Чокурдах. Переходный период из лета в осень представляет исследовательский интерес по нескольким причинам. Во-первых, в это время многие жители района находятся в отъезде, особенно мало в населённых пунктах школьников; однако в данный период происходит починка и настройка инструментов и необходимой техники для осенне-зимнего хозяйственного интервала, что отражает процессы перестраивания села и местных жителей в иное социальное и экологическое состояние. Во-вторых, ближе к сентябрю начинается процесс возвращения людей в район и, соответственно, появляется возможность наблюдать дополнительные грани динамики социального ландшафта. В-третьих, в сентябре завершается период летней путины, в Чокурдах приходят рефрижераторные суда, на которые сгружают выловленную за сезон рыбу, в практику постепенно входит охота на оленя. Наконец, в-четвертых, завершающий этап августа и

сентябрь является временем навигации, посредством которой в район доставляются продукты, одежда, строительные материалы и прочие ресурсы. В общем, это период перестройки социальных ритмов, хозяйственных занятий и природных преобразований, которые мне удалось наблюдать. В качестве методов исследования использовались интервью, непосредственное и включённое наблюдение, аудио-, фото- и видеофиксация. Ежедневное общение с местными жителями, участие в их бытовых и промысловых практиках позволило собрать важные сведения для написания данной статьи. Кроме того, после полевой работы общение с местными жителями продолжилось посредством телефонных разговоров, мессенджеров, почтовой переписки и личных встреч в Санкт-Петербурге в октябре 2022 г.

Дискурсивная связь

Чокурдах – ближайший населенный пункт к Русскому Устью. Он расположен на 120 км выше по течению р. Индигирки. В нём проживает много выходцев из Русского Устья, покинувших село недавно или в глубоком детстве. Находясь в поле, я заметил следующую деталь: жители Чокурдаха, будучи ближайшими территориальными соседями русскоустыинцев, часто с трудом могли сообщить подробную информацию о хозяйственных, инфраструктурных, продовольственных особенностях современного Русского Устья. В основном информанты рассказывали устойчивые фольклорные сюжеты и неизменные детали из промысловой жизни села. Тогда меня удивило, что столь близкие соседи не имеют детального представления о жизни старинного поселения, о его текущих проблемах и изменениях. Например, в ходе беседы информантка Л. П. задумалась о том, каким образом русскоустыинцы получают дома холодную воду (в кранах имеется вода только из центральной системы отопления), лишь после моего вопроса на эту тему. Она озадачилась и оттого, что не смогла ответить на данный вопрос, рассмеялась. Всё это наталкивало меня на представление о населённом пункте как об отдельном информационном поле, пронизанном общим набором дискурсов и локальных знаний.

Попадая в Русское Устье, оказываешься в иной информационной среде по сравнению с Чокурдахом. Потоки информации здесь связаны с другими фамилиями, действиями, историческими событиями, само село имеет иную точку отсчёта, выделяющуюся из общего контекста района легендой о происхождении группы со времён Ивана Грозного и русской старожильской идентичностью (Вахтин, Головкин, Швайтцер 2004). Если в Чокурдахе частыми темами разговоров были проблемы коренных малочисленных народов, ограничения на вылов рыбы, ухудшение жилищных условий, утрата оленеводства и планы по строитель-

ству новых населённых пунктов для оленеводов, то в Русском Устье я практически не слышал жалоб на текущее состояние жизни людей. Большинство мужского трудоспособного населения занято в рыболовстве, и, соответственно, постоянными темами дискуссий выступают вопросы рыбной ловли, промысловые показатели, погодные условия, новые лодки и моторы, подготовка сетей к зимнему периоду подлёдного лова и другое, что было характерно для села и ранее (Чикачёв 1990). В качестве приветствия у рыбаков часто выступают фразы «как рыба?», «много рыбы?». Промысловики созваниваются друг с другом, чтобы узнать результаты улова; делятся информацией о погоде, объемах улова на определенном участке, о том, когда придет рефрижераторное судно. Так складывается коммуникативное пространство рыбаков; а поскольку проблемы, связанные с рыболовством, затрагивают большинство жителей села, то определённой информированностью в данных вопросах обладает и подавляющая часть жителей (ПИМА 2019).

Этническая специфика, связанная со старожильческой русской культурой, активно поддерживается литературой (Чикачёв 2007; Шахова 2013), работой фольклорных коллективов, администрацией и на семейно-бытовом уровне, проявляясь в некоторых особенностях языка: лексике и произношении, а также в представлениях об окружающем пространстве, хозяйственных практиках, местной кухне. Перечисленные детали локального контекста не просто существуют на информационном уровне как данность. Они постоянно воспроизводятся людьми, являются отражением повседневного опыта и определяют его (ПИМА 2019). Население вовлечено в информационный контекст не только дискурсивно, но и практически, а общая информация выступает своего рода «символической инфраструктурой» деятельности. Передача информации в небольших населённых пунктах иногда описывается через метафору «сарафанного радио» (Davudov 2017: 27), когда основным источником получения знаний о происходящих событиях вокруг становятся устные разговоры; данный метод, наряду с использованием мессенджера WhatsApp, где особенно популярна русскоустьинская соседская группа, является важнейшим механизмом формирования в селе довольно однородной информационной среды, которая – важно подчеркнуть – создается в результате непосредственного взаимодействия людей друг с другом, а не через специализированные средства массовой информации.

Локальные знания формируются также посредством наблюдения за происходящими событиями, через участие в хозяйственной жизни села. Небольшие размеры населённого пункта приводят к эффекту практически полного визуально-аудиального, а также тактильного (через осязание, в том числе посредством возможности полного «прошагивания» села) охвата Русского Устья, просматриваемого как со стороны насе-

лѐнной части, так и со стороны реки, что позволяет воспринимать его единым даже на уровне чувств: через зрение, обоняние, осязание, слух, сплетающиеся между собой и создающие объѐмное и насыщенное знание о месте проживания. Эта форма познания не является статичной и привязанной к одной точке в пространстве, но связана с возможностью постоянного перемещения и восприятия окружающей среды под разными углами; вернее, и само «окружающее» с каждым шагом, вздохом и взглядом преобразуется и раскрывает новые грани (Ingold 2011: 45).

Немаловажным фактором в контексте исследуемого вопроса является то, что все представители профессий, непосредственно обеспечивающих жизнедеятельность села (работники объектов инфраструктуры, рыбаки, продавцы, сотрудники администрации), проживают в одном месте, они в курсе всех происходящих событий из личного опыта (например, глава села также является рыбаком, охотником, участвует в работе ЖКХ) (Энергия Арктики и Сибири... 2020). Общение даёт необходимую информацию о том, где и как обстоят дела с промыслом, дорогой, ландшафтом; общая микротопонимика создаёт локальную матрицу ориентиров в пространстве. Долгое проживание в местных условиях способствует запоминанию направления ветров, ритмов климатических колебаний, особенностей течения, рыбных мест и пр. Единство и полнота отношений, а также глубокая вовлечѐнность местных жителей в деятельность, связанную с природной средой, приводят к состоянию чуткого восприятия социальных и физических изменений вокруг, которые затем становятся частью общей дискурсивной среды и условием эффективной деятельности. Локальная информация характеризуется не только широким распространением, но и тематическим разнообразием (Чикачѐв 2007), она связана с тем, что происходит в окружающем пространстве – начиная от силы и направления ветра и заканчивая административными вопросами. Эти знания простираются далеко за пределы села – в тундру, однако там их универсальность не столь велика, потому что разные рыбаки и охотники имеют опыт пребывания в различных частях тундры; но всё же через гостевание, периодическую смену промысловых участков и поселковую коммуникацию общая картина окружающего пространства складывается и за пределами Русского Устья (ПМА 2019).

Родственные отношения и память в пространстве

Пьер Нора пишет о том, что появление мест памяти связано с ускорением современного общества, из которого память стремительно вымывается историей, и поэтому ради её сохранения происходит коммеморация: путем создания музеев, памятников, исторических трудов. Интерес к изучению истории и, соответственно, актам коммеморации

совпадает с этапом стремительного индустриального развития: «Вспомним о невосполнимой потере, заключавшейся в исчезновении крестьянства, являвшегося по преимуществу коллективной памятью, популярность которого в качестве предмета истории совпала с апогеем индустриального подъема» (1999: 18). «Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого» (20).

Однако в настоящее время на Севере Якутии память имеет большое значение в процессе использования пространства. Безусловно, уже давно и активно происходит историзация жизнедеятельности сообщества через создание музеев, этнографические тексты, тематические уроки, видеофильмы, работу фольклорных коллективов (Фольклор Русского Устья 1986; Чикачёв 2002; Вахтин и др. 2004), но в то же время сохраняется другой режим воспоминаний – когда социальное пространство является не объектом коммеморации, а выступает символической и практической частью общества. Проблема разных типов памяти актуальна при этнографическом изучении рассматриваемой группы, поскольку её представители пользуются большой популярностью у этнографов, физических антропологов, историков и журналистов; к местным жителям и их предкам неоднократно приезжали исследовательские группы, и поэтому в Русском Устье можно услышать цитаты из опубликованных краеведческих работ (в частности, из творчества А.Г. Чикачёва) или получить ссылку на местного эксперта-краеведа. Следует, однако, отметить, в ходе экспедиции не было замечено большого интереса русскоустыинцев к «русскоустыинской культуре», прошедшей этап коммеморации; гораздо актуальнее иной тип памяти и отношений, который не был подвергнут историзации и связан не с идеологической сферой жизни, а имеет непосредственное значение для практической деятельности. Это касается родственных отношений, которые дополнительно окрашивают пространство деятельности, создавая в нём акценты, вовлекая эмоциональные переживания, формируя стимулы действий, связывая окружающую территорию через память и локальную историю, которая имеет характер непосредственного переживания (Ассман 2012). Таким образом, восприятие пространства здесь и сейчас сформировано длительно существующими родственными отношениями и личным опытом, структурирующими локальный ланд-

шафт, влияющими на выбор профессии, представления о позволительном, недопустимом и иные фундаментальные сферы жизни человека.

Производство отдельных частей села персонифицировано: многие знают, кто и что построил, следовательно, осмысление и отношение к материальным компонентам пространства иногда принимает вид межличностных отношений. Например, сотрудница библиотеки С. В., посмотрев в окно, риторически заметила: «Вот, поставил С. И. тут свой гараж, а зачем? Он мешает». Когда сотрудники ЖКХ искали пропавшее в общественной бане давление, они проверяли разные участки теплосети, и одно из звеньев было представлено гаражом Арсения К. (имена изменены): поэтому работники коммунальной службы, обсуждая между собой по телефону этот участок, определяли его через конкретную личность: «мы у Арсения», «“это Арсений” и пр.». Некоторые постройки имеют родовое значение: в Русском Устье находится старый амбар, привезенный из семейного родового участка братьями К. – он не функционален, но по своему происхождению, исторически, эмоционально переплетён с окружающим пространством и населяющими его людьми. Ещё один случай связан со зданием старой школы, построенной из разобранной примерно в 1930-е гг. церкви в пос. Ожогино и со временем оказавшейся на территории современного Русского Устья. Данная постройка является первым учебным заведением на территории села, поэтому имеет важный символический статус для многих жителей (хотя и не особо актуализированный – идею о создании из школы музея мало кто поддерживает, считая это излишним).

Для многих информантов родные места воспринимаются и осмысляются через связь с предками, которые жили и работали на этой земле, реках и озёрах. Локальная топонимика часто является одним из способов выражения связи территории с определёнными людьми: например, рыболовецкие участки «Фёдоровское», «Кузьмичёво», острова «Ванькин», «Васькин» и другие демонстрируют роль личности в формировании и структурировании местного ландшафта. Изначально на заимках, где концентрировалась основная деятельность до второй половины XX в., жили представители весьма ограниченного списка фамилий (Зензинов 1914), которые на протяжении длительного времени заключали между собой браки, помогали на промысле, образовывали общий круг социальных взаимодействий (Вахтин и др. 2004). Семейные связи оказывают влияние на особенности хозяйства и сейчас, обнаруживаясь в родственном принципе организации рыболовецких общин, коллективном строительстве летних домов и заимок, распределении добытых рыбы и мяса, погрузке и разгрузке приходящих в порт Чокурдаха и в Русское Устье судов. Пространство наполняется агентностью, историями, которые создают такую ситуацию, что конкретный человек воспринимает окружающую его территорию не только благодаря своему инди-

видуальному опыту, но также через знание семейных преданий, посредством коллективного опыта проживания в данном месте (который находит яркое выражение в представлениях о реинкарнации, распространённых среди коренных народов и русских старожилов (Волдина 2016, ПМА 2022), и создающих пространство, «населённое» также умершими предками). Как сообщил Р. П., несмотря на солидный опыт работы в охоте, всё-таки по призванию он считает себя рыбаком, поскольку в Русском Устье жили, рыбачили, радовались промысловым успехам, и «отдавали» свои жизни реке в результате несчастных случаев его родственники (ПМА 2019).

Подытоживая вышеизложенное, отмечу следующее: пространство Русского Устья и его округи имеет локализацию в памяти, чувствах и эмоциях местных жителей; оно – часть личной и групповой истории (Сирина 2012), а не набор геометрических координат, поэтому практические действия, совершаемые в нём, тоже связаны между собой на уровне памяти, межличностных отношений, чувств и эмоций, что является отражением плотной коммуникативной среды между людьми, постройками, ландшафтом, животными и пр.

Связь между практиками

Сейчас я уделю внимание отношениям между разными видами практической деятельности. Предлагаемая здесь к рассмотрению конструкция описывает не отдельную практическую единицу, которая может казаться статичной и самодостаточной, но взаимное движение групп элементов в комплексах, что уточняет принципы работы отдельных конфигураций. Опишем эту связь на примере работы русскоустьинского ЖКХ. Кроме обеспечения тепла в домах местных жителей, в обязанности службы жилищно-коммунального хозяйства входит подача холодной воды к жилым домам, поскольку в летнее время это единственный удобный способ людей получить воду для питья и готовки. Дело в том, что в Русском Устье отсутствует холодное водоснабжение, в квартирах имеется лишь техническая вода из системы центрального отопления, вследствие чего сотрудники ЖКХ, закачивая воду из реки для работы котельной, параллельно подают её к стоящим рядом с домами бочкам, наполняемым местными жителями через шланги. Поскольку вода является материальной и инфраструктурной основой жизнедеятельности людей (Anand 2011), а подача её далеко не во всех арктических сёлах доведена до автоматизма, это актуализирует и обостряет вопросы доступности водных ресурсов в Русском Устье. В первую очередь, вода выступает условием приготовления пищи и основным напитком, а практики готовки, трапезы и питья конституируют остальные виды деятельности. Однако в силу гибкой регламентации профес-

сиональных обязанностей, иногда подача воды не производится в назначенный день. Я наблюдал следующую ситуацию: сотрудник жилищно-коммунальной службы Я. Р., по личным обстоятельствам, не смог исполнить возложенную на него обязанность по обеспечению котельной и местных жителей водой, за что подвергся критике со стороны своей сестры. Она обвиняла брата в том, что он не просто не закачал воду в село, но нарушил ожидания, планы и выстроенную стратегию бытовых занятий людей. Таким образом, его действия (точнее, бездействии) повлияли на практики, планы и эмоции других жителей села (ПИМА 2019).

В августе и сентябре 2019 г. сотрудники жилищно-коммунальной службы едва ли не каждый день занимались техническими работами на разных участках всей сети центрального отопления. Неоднократно они заходили в квартиры местных жителей для того, чтобы проверить подачу горячей воды и выпустить воздух из батарей с целью нормализации функционирования теплосети. Отопление в Русском Устье выключают в конце июня, возобновление его подачи происходит в августе. На собраниях и в личных беседах жители села неоднократно поднимали вопрос о необходимости оставлять в детском саду отопление в течение всего года. Как можно понять, в Арктике этот пункт является одним из ключевых, а поскольку в холодное время в Русском Устье все проживают в многоквартирных домах с централизованной подачей тепла, степень зависимости людей от исправной работы котельной и теплотрассы огромна. Поэтому сотрудники ЖКХ в преддверии отопительного сезона занимались ежедневными проверками системы коммуникаций. Некоторые рыбаки неподалеку от многоквартирных домов, в селе, строят *летники*, которые представляют собой деревянные одноэтажные дома на одну семью. Они находятся рядом с берегом, где, по словам промысловиков, удобнее базироваться в трудозатратный период летней путины. Летники расположены ближе к реке и, в отличие от многоквартирных домов, не имеют лестниц (после тяжелого рабочего дня в броднях желание подниматься по лестнице у рыбаков минимально), и в них можно установить печку-буржуйку, чтобы поддерживать необходимый температурный режим индивидуально, не завися от действий ЖКХ.

Параллельно с проверкой теплотрассы происходила подготовка к осенне-зимнему сезону работы общественной бани, которая, как объяснили местные жители, выступает важным социальным объектом в селе. В частности, она структурирует время промысловой занятости охотников и рыбаков, которые соотносят отрезки хозяйственной деятельности с днями работы бани. Например, Н. О. говорил, что всегда старался выехать на охоту таким образом, чтобы была возможность вернуться к банному дню. Последний представляет собой не просто время гигиени-

ческих процедур, но объединяет промысловиков, вернувшихся из разных уголков тундры, обсуждающих промежуточные результаты своей деятельности; баня даёт им возможность поделиться эмоциями, переживаниями, информацией о количестве добытой рыбы/олений, предупредить товарищей о возможных трудностях в пути, договориться о совместной поездке на промысел и пр. Таким образом, работа сотрудников русскоустыинского ЖКХ в августе–сентябре 2019 г. была связана с актуальными (пополнение запасов воды, готовка, питье) и будущими потребностями жителей села (функционирование бани, подача тепла в квартиры в холодный период). Она являлась не причиной и не следствием, а важнейшим составным компонентом существования этих практик в условиях локальной инфраструктуры и в целом в контексте образа жизни местного населения. В свою очередь, параллельно происходящие практики тоже связаны с процессом деятельности ЖКХ: работа дизельной электростанции обеспечивает энергией котельную, коммунальные служащие получают продукты питания от родственников-промысловиков и, подкрепившись едой, могут продолжать свою работу. По причине нехватки специалистов важным является привлечение к работе ЖКХ односельчан, официально трудоустроенных в других сферах, но в силу профессиональной компетентности оказывающих помощь в случае необходимости (ПМА 2019).

Жители Русского Устья постоянно уделяют большое внимание процессу производства пищи, поскольку потоки ресурсов из Якутска удовлетворяют потребность в необходимых питательных веществах не полностью. В районе нет развитой гастрономической инфраструктуры и «делегатов» (Латур 2004), которым можно было бы поручить заботу о пищевой безопасности, занявшись иными делами. Напротив, повседневные практики тесно сплетены с действиями по приготовлению еды. Местные жители договариваются о поставке продуктов из Якутска и районного центра, встречают и разгружают приходящие суда, развозят продукты, собственноручно создают и поддерживают материальную базу для приготовления пищи, в течение всего года охотятся и рыбачат; основная хозяйственная отрасль района – рыболовство – невозможна без обеспечения промышленниками собственной пищевой безопасности. Перечисленные аспекты создают тесные связи с природной, государственной и социальной средами, направленными на производство локального пищевого ландшафта. В селе рельефно отражено сплетение всех сфер занятости, от школьного учителя до охотника, с процессами формирования пищи, требующими больших затрат энергии. Даже если в силу недостатка времени человек не имеет возможности самостоятельно добывать мясо или рыбу, члены его семьи обязательно компенсируют продовольственную лакуну и будут снабжать родственника необходимыми ресурсами. Например, А. М., занимающая ответ-

ственную должность в русскоустыинском ЖКХ, так ответила на вопрос о существовании разделения жителей на «рыбаков и нерыбаков»: «Мы все вместе. У меня сыновья рыбаки. У каждого, конечно, в семье или муж, или сыновья рыбаки». В наибольшей степени связь профессиональной деятельности и производства пищи наблюдается у рыбаков, поскольку для представителей данного промысла граница между этими процессами символическая: статус ресурса зависит от того, в какую категорию промысловик определит рыбу: еда, дар или улов производственного кооператива (Рахманова 2020). В посёлках и тундре часто нет разделения между людьми, добывающими пищевые ресурсы и потребляющими их. Как сказала А. М.: «Если она [рыба] есть, то есть, если нету – нету». Это выражение хорошо подчёркивает восприятие села как единого целого: когда река изобилует рыбой, жители Русского Устья не нуждаются в рыбе, потому что в каждой семье есть промысловики; в таком случае пространство села заполняется пищевыми продуктами сравнительно равномерно (соответственно, то же, но со знаком минус, происходит в период скудного улова). Следовательно, плотная связь между повседневными практиками населения Русского Устья в значительной степени обусловлена потребностями в жизненно важных ресурсах и является одной из стратегий их получения.

Связь между материальными объектами

Село представляет собой средоточие разных видов материальных объектов, некоторые из них являются плотно взаимосвязанными. Существование многоквартирных домов, школы, фельдшерско-акушерского пункта в современных условиях трудно представить без наличия дизельной электростанции и котельной, создающих для их функционирования необходимые инфраструктурные условия (Карасева 2018). Нарты не могут выполнять роль важнейшего хозяйственного компонента без снегоходов, потому что иных видов тягловой силы, каковой в прошлом являлись ездовые собаки, сейчас не осталось; если в магазине не будет продуктов, а на почте писем, то они закроются. Котельная без нефти является зданием, которое годится лишь для хранения, например техники, строительных материалов и прочего, но никак не для инфраструктурного преобразования группы многоквартирных домов в адекватные зимним морозам и ветрам жилища. Поэтому когда в конце августа в село привозят топливо для котельной, местные мужчины, вне зависимости от рода деятельности, активно помогают его разгружать, жертвуя свободным временем и сном.

В условиях плотной связи изменения в одном объекте ведут к трансформациям в другом. Как сказал, смеясь, сотрудник жилищно-коммунального хозяйства Я. Р.: «Если у вас дома идет грязная техниче-

ская вода – это значит, что мы работаем». Функционирование объекта, вовлечённого в общую структуру взаимодействия, ведёт к функционированию других компонентов системы; также проявление определённых свойств одного объекта соотносено с влиянием этих свойств на иной элемент материальной среды. С одной стороны, наличие котельной обуславливает наличие школы (поскольку первая даёт тепло и делает возможным процесс получения знаний в определённом месте в холодное время года), но, с другой стороны, школа, а также ряд других стационарных построек оказываются условием возникновения котельной, ведь при отсутствии построек будет просто нечего отапливать. Связь объектов порождает функциональное движение и динамику комплексов материальных компонентов.

В данном переплетении содержится потенциал движения элементов в отдельных комплексах (Ingold 2017). Объект оказывается агентным не сам по себе, не только и не столько в отношении человека, сколько в переплетении разных агентностей. Следовательно, если термин «агентность» (Gell 1998) описывает устойчивую модель, характерную скорее для статично рассматриваемых объектов, то переплетение агентностей объектов (то, что К. Барад называет «*agential realism*» (Barad 2003)), вытекающее из опыта сосуществования нескольких элементов или групп элементов, предполагает динамику, поскольку формирует подвижную систему зависимостей. Например котельная, школа, дом культуры, администрация и иные объекты входят в отношения друг с другом, и в этом переплетении выкристаллизовывается социальность села. Б. Латур писал, что «“актор” в разделённом дефисом словосочетании “актор-сеть” – не источник действия, а движущаяся цель обширной совокупности сущностей, роящейся в его направлении» (2020: 68). В нашем случае различные материальные объекты выступают не только акторами, которые являются источниками действия, и не только «целями» для «роящихся сущностей». Перечисленные «акторы» возникают, функционируют и корректируются именно в процессе существования со множеством других действующих лиц. Ни те ни другие не действуют сами по себе, они включены в общее пространство взаимодействия и функционируют именно потому, что есть иные акторы, требующие их существования и действия.

Устойчивое соотношение между трубами и текущей по ним водой обеспечивается мастерами ЖКХ, использующими специальные инструменты. Порой возникают ситуации, когда местных сил недостаточно для выполнения поставленных задач. Так, для прокладки новых участков теплосети в 2019 г. из Центральной Якутии в Русское Устье приезжала специальная рабочая бригада. В свою очередь, соотношение материальных объектов (труб и воды) породило формирование теплоизоляционных коробов вокруг труб. До их появления теплосеть про-

кладывали в разделённых пополам бочках, а для увеличения энергетической эффективности использовали старую одежду, которой обкладывали трубы. Позже местные жители адаптировали короба для перемещения по ним; детям даже удастся использовать их для катания на роликовых коньках. Таким образом, возникают последовательности зависимостей, связанные с материальными объектами. Происходит формирование способов использования и включения в повседневность не отдельных изолированных от остальных процессов элементов, а их связей, комплексов, которые становятся частью локальной повседневности.

Материальные объекты выступают зонами концентрации внимания, точками кристаллизации социальной жизни (Anand 2015). Например, С. И., чинящий снегоход или нарту, часто собирал знакомых около своего гаража. Между ними завязывалась беседа, которая могла касаться свойств снегохода и процесса его починки или же уходила далеко за пределы снегоходной тематики в сферу промысла, экономики, семейных воспоминаний и личных переживаний. Процесс взаимодействия с материальными объектами часто не имеет узкой специфики, предполагающей лишь данное взаимодействие и исключаящей остальные практики. Починка снегохода не является ограниченным процессом с конкретной регламентацией, она складывается из случайностей, внезапных встреч и трудностей: когда я подошел к С. К., он ремонтировал нартенные полозья недалеко от гаража, а затем, не отрываясь от дела, стал отвечать на возникающие у меня вопросы, связанные с использованием и обслуживанием его снегохода. Во время диалога я заметил на лице С. К. некоторую неопределенность. Как оказалось, чтобы отметить точки для сверления, ему нужен был карандаш, который С. К. позаимствовал у меня, а некоторое время спустя использовал его для создания чертежа, демонстрирующего мне конструктивные особенности нарты. Через несколько минут подошёл С. И., который тоже вступил в беседу, дополняя рассказ С. К. про локальные формы мобильности и помогая ему советами (ПИМА 2019).

Кроме того, включение материальности в практическую деятельность порождает социальную иерархию, поскольку практика (охота или рыболовство) приводит к появлению сети людей, по-разному пользующихся снегоходами, санями, лодками и иными объектами. Материальное обеспечение выступает ключевым условием успешности хозяйственных занятий, следовательно, важно поддерживать вещи в исправном и пригодном для эксплуатации состоянии. В Русском Устье нет специальных сервисных центров, но есть опыт местных жителей, как коллективный, так и индивидуальный, позволяющий решать возникающие технические проблемы. Среди активных пользователей транспортных средств и других материальных объектов выделяются те, кто обладает большим опытом, пониманием и способностями к обращению

с определенными вещами. Например, Р. Ч. известен как один из лучших мастеров по изготовлению нарт, он делает их для себя, своих сыновей, родственников и знакомых, как безвозмездно, так и за плату, а также всегда рад поделиться советом. С. И. – хороший электрик и сантехник, способный подменить сотрудника дизельной электростанции или ЖКХ, хотя работает в администрации. Его отличает внимательное и бережное отношение к технике. Рассказывая о необходимости заботы о технических средствах, он привёл следующий случай. Знакомый С. И. после поездок на снегоходе постоянно оставляет транспорт на улице, не производя технического осмотра и не заботясь о том, чтобы укрыть его от непогоды. Из-за такого отношения к технике ему «пришлось много по тундре походить», когда во время езды по снежным просторам Аллаиховского района снегоход неоднократно выходил из строя. Кроме того, С. И. сообщал, что вызвался быть водителем на маршрутной лодке между Русским Устьем и Чокурдахом, потому что «в технике надо разбираться», а, по его мнению, другой человек в должности «капитана» лодки, возможно, не справился бы с возложенными на него обязательствами, особенно в случае поломки. Действительно, когда мы направлялись из Русского Устья в Чокурдах, двигатель вышел из строя, но С. И., применив свои знания и навыки, смог его починить, и поездка благополучно продолжилась. Примеры можно продолжать, все они свидетельствуют о том, что в социальной структуре села выделяются люди, которые разбираются в технике (и в целом обращаются с материальными объектами) лучше, результативнее других. К ним чаще обращаются за советом и помощью, им доверяют и высоко ставят в социальной иерархии, когда дело касается технических вопросов.

Создание и использование одного объекта предполагает вовлечение разных людей с их актуальным в местных условиях опытом. Следовательно, вещь конструируется в результате направленности на неё множества подходов, взглядов и техник, которые позволяют добывать необходимые ресурсы и применять наиболее оптимальные технологии в условиях дефицита товаров и изолированности от крупных торговых центров. Производимые в селе объекты представляют собой отражение совокупности компонентов локального пространства с вкраплениями других локальностей: как писал Б. Латур, «действительно, то, что обозначается термином “локальные взаимодействия”, – это сборка всех других локальных взаимодействий, распределённых где-то в пространстве и во времени и перенесённых, чтобы оказывать влияние на сцену через сменяющих друг друга акторов-не-человеков. Именно такое перенесённое присутствие одних мест в другие я называю артикуляторами или локализаторами» (2020: 271). Нарта составлена из разных материалов: металл, дерево, пластик, растительное волокно. Металл получен в аэропорту из списанных вертолетных лопастей, веревки куплены

в местном магазине или доставлены из районного центра, доски взяты из разобранных строений или сделаны из местного плавника, пластиковые полозья привезены из Якутска. Сбор разных локальностей в виде материальных элементов и аккумуляции опыта разных людей свойствен и непосредственно для процесса производства объекта: занимаясь созданием или починкой нарты, местный охотник-рыболов обращается к собственным знаниям, просит помочь знакомых, изучает информацию через интернет, использует спонтанные возможности (карандаш, взятый у проходящего мимо знакомого). Таким образом, вещь оказывается порождением актуального для местных жителей пространства, сочетающего локальные и транслокальные элементы; в некотором смысле она «вырастает» из него, является его «портретом» и конструируется повседневными практиками (Ingold 2013).

Контраст в данном отношении представляет модульное здание новой дизельной электростанции, возведённое в 2013 г. в качестве подарка на юбилей «старинному селу» (В старинном селе Русское Устье в Арктике запущена новая дизель-электростанция). Как сообщали респонденты, электростанцию позиционировали в качестве прорывного технического достижения, построенного по проекту известного якутского инженера. Предполагалось, что новая ДЭС будет удобнее в управлении, более эффективна и безопасна по сравнению с прежней энергетической установкой, из которой сотрудники съехали после завершения подготовки инновационного образца. Однако реальность внесла свои коррективы: новая ДЭС оказалась непригодна для локальных природно-климатических условий, поскольку не были приняты во внимание особенности местного рельефа, что привело к образованию огромных дыр под забором, ограждавшим модульную электростанцию (вопросы у местных жителей вызывал и сам факт наличия забора: «зачем он нужен, ведь здесь все свои, от кого ограждаться?»); ворота буквально висели в воздухе, пройти было проще под ними, чем сквозь них. Другая конструктивная особенность нововведения заключалась в том, что блок-модули и операторское отделение находились в разных помещениях, следовательно, чтобы проверить физическое состояние блок-модулей, нужно было выходить на улицу, преодолевать помехи в виде дождя и снега, и только после этого сотрудники попадали в пространство с генераторами. Стены и крыша помещения, в котором располагались последние, имели небольшие щели и зазоры, приводившие во время сильных снегопадов к образованию сугробов внутри главного рабочего отделения. Совокупность негативных факторов мешала нормальной работе инфраструктурного объекта, поэтому было принято решение о переезде обратно в здание старой ДЭС, построенное в советский период, но которое, тем не менее, в гораздо большей степени соответствовало местному природно-климатическому контексту (ПМА 2019).

Похожая история, закончившаяся, впрочем, не столь «радикально», произошла с новой котельной: тоже построенная, как утверждали респонденты, по современным технологиям, она несколько раз выходила из строя (причем один случай пришёлся на новогоднюю ночь, в результате чего главе ЖКХ пришлось оставлять родных в кульминационный момент и стремительно идти на работу). В связи с этим старую котельную оставили в состоянии готовности для подстраховки. Старое здание больше связано с местными практиками: жители используют его как мастерскую для изготовления деталей нарт (поскольку там имеются инструменты и удобное для работы место), в нём находится единственный в Русском Устье душ, о чём с гордостью сообщали некоторые сотрудники ЖКХ; когда я заходил внутрь, в котельной вялилась рыба. Трудно представить нечто похожее в новом инфраструктурном комплексе, который используется исключительно по назначению. Директор ЖКХ категорично утверждала, что не допустит на новой котельной реализацию иной деятельности, и с трудом пропускает на территорию посторонних, безапелляционно аргументируя: «Это стратегический объект» (ПМА 2019). Однако даже если бы строгий директор позволила приспособить котельную под дополнительные нужды местных жителей, вряд ли это имело бы такой же успех, как на старом объекте, поскольку сама планировка современной постройки сфокусирована на выполнение одной задачи, минимизируя функциональные излишества.

Вещь, будучи конструктивно самостоятельным элементом, с точки зрения эксплуатации, всегда входит в разные системы зависимостей. Последние подразумевают наличие связной среды, в которой находятся объекты и которая оказывает влияние на их состояние и функционирование (Энергия Арктики и Сибири... 2020). Один материальный объект (или комплекс – в случае с котельной) определяет напрямую (котельная обеспечивает работу бани) и косвенно (котельная связана с зимней охотой на оленей близ Нижнеколымского района посредством того, что обеспечивает функционирование бани, с графиком которой соотносят время промысла охотники) другие объекты и комплексы. Косвенная связь имеет более сложное устройство, она присутствует и в визуально связанных комплексах (котельная и многоквартирный дом), однако её проявление не обязательно скоррелировано с прямой физической стыковкой между объектами. В системе материальных элементов, формирующих практическое поле Русского Устья, трудно найти главные и второстепенные факторы, поскольку все они указывают друг на друга – не столько по отдельности, сколько в комплексной связности и специфике присутствия в практической деятельности. Сушка белья на улице, работа сотрудников ЖКХ на теплотрассе, отопление летних домов печкой-буржуйкой и используемая в домашних условиях одежда имеют между собой нефункциональную связь. Эти действия происходят в об-

щем пространстве села и являются практически организованным проявлением материальности. Через систему практик отдельные материальные комплексы соотносятся с другими, формируя общую материальную основу пространства жизнедеятельности. Одним из факторов адаптации в условиях дефицита ресурсов оказывается поддерживаемая связность разных объектов, создающая возможности для ориентации в материальном и практическом многообразии окружающего пространства. Увязанность компонентов материальных комплексов между собой и с деятельностью местных жителей формирует общую соотнесённость между пластами природных, социальных и культурных взаимодействий, создаёт между ними символические и практические связи, порождающие возможность единства и непрерывности практик жизнеобеспечения.

Разделенное/единое пространство и модули его освоения

Пространство села существует в разных режимах. Первый характеризуется связью разрозненных операций: кто-то чинит нарту, другие рыбачат, выпекают хлеб, следят за исправностью работы дизельной электростанции, а кто-то готовит сельскую баню к зимнему сезону. Перечисленные действия (как и множество других) связаны между собой указанными выше причинами: соотнесенностью практических занятий, материальными полями, родственными отношениями, дискурсивными сферами и пр. Внутри села для нормального функционирования общей социально-технической композиции требуется разделение обязанностей и функций, поэтому появляются зоны ответственности и деятельности, которые отличаются между собой, но тем не менее проявляют высокую степень связности, о чём свидетельствует тот факт, что один человек может выполнять несколько важных для всех жителей Русско-го Устья функций.

Однако существует иной режим, который присутствует и в самом селе, но ещё больше находит выражение в освоении пространства за пределами населённого пункта. Его можно охарактеризовать как создание модулей освоения пространства (Давыдов 2020). Данный режим предполагает покрытие территории района однотипными материальными комплексами: вдоль рек создаются структурно похожие рыболовецкие участки, на которых воспроизводится схожий набор практик с использованием однотипных вещей (Чикачёв 1990); то же относится к охоте и собирательству, эти виды деятельности имеют высокую степень схожести между собой в способах конфигурирования ресурсов и пространства разными людьми. Характерной чертой модулей выступает их относительная автономность; пространство осваивается не через создание разнообразных элементов одной системы с её усложнением,

но посредством заполнения участков территории однотипными конгломератами объектов. Рыболовецкие модули связаны между собой в большей степени, поскольку они существуют в рамках рыболовецкой общины, а охотничьи в меньшей – охота более индивидуальна, хотя местные жители тоже кооперируются, но не институционально. Включение модулей в более масштабные системы (производственный кооператив) – явление относительно позднее, развившееся в период СССР; до революции они отличались большей автономностью (Зензинов 1914; Гурвич 1966). Однако именно навыки создания таких полуавтономных модулей, выделяемых из общей структуры села, стали условием успешной экономической интеграции в рыночную модель экономики постсоветского периода.

Будучи структурно и функционально близкими, модули создают инфраструктуру существования единого поля освоения пространства (с одной стороны, они являются устойчивыми и схожими механизмами порождения общей системы, а с другой – сама эта система ориентирована на поддержание существования модулей). Если в дореволюционный период то, что я сейчас называю модулями, выступало едва ли не основной социальной и практической единицей освоения пространства (Чикачёв 1990), не входящей в иные социальные образования, то в настоящее время они – формы, которые могут свободно трансформироваться, создавая дифференцированную, но единую поселковую среду (ПМА 2019). Материально-социальная гибкость также является важным способом освоения пространства в разных его состояниях. Например, в Русском Устье и Чокурдах рыбаки из кооперативов, когда приходит рефрижераторное судно, объединяются для того, чтобы погрузить выловленную рыбу: приезжают из села, съезжаются из рыболовецких участков в Чокурдах и выступают как единая социальная группа. Помимо этого, население принимает участие в разгрузке привезённых из Якутска продуктов, а также топлива для работы котельной (когда я был в Русском Устье, из-за разрыва шланга нефть выгружали в течение всей ночи). Граница между личным, профессиональным и общественным пространствами очень тонкая и слабо регламентированная, о чём свидетельствует случай, когда А. М. пришлось в новогоднюю ночь покинуть семейный круг и отправиться на котельную для восстановления её работы (ПМА 2019), иначе ситуация могла усугубиться и привести к «разморозке» села, имеющей тяжелые последствия в условиях Севера (Карасева 2018). Другой пример тесной связи между разными аспектами жизни Русского Устья сообщает П. Ч. Она говорит о том, что руководство производственного рыболовецкого кооператива берёт на себя ответственность по снабжению села всеми необходимыми пищевыми продуктами, «поэтому мы в течение всего года едим арбузы, дыни, фрукты и овощи» (ПМА 2022). В данном случае увеличе-

ние связи производственного кооператива с сельской повседневностью позволяет получать дополнительные ресурсы (пищевые, бытовые, промысловые). Таким образом, перечисленные действия показывают, что модульный режим освоения пространства способен перестраиваться в протяженный и дифференцированный, и наоборот. Связность и конфигуративная гибкость разных элементов позволяет оперативно реагировать на вызовы, возникающие перед жителями арктического села.

Заключение

Компоненты окружающего пространства жителей Русского Устья, включающие в себя природные, техногенные, привозные и локально произведённые объекты, связаны на нескольких уровнях. Последние не являются непроницаемыми: напротив, они взаимообусловлены. Так, память о родственниках, местах, событиях проникает в материальность, а технические объекты носят на себе отпечаток локального и транслокального пространства. Высокая степень связности определяется многочисленностью населения, ресурсным минимализмом, плотными социальными контактами, схожим набором практик и инвентаря (Antczak, Beaudry 2019). Подобно тому, как в Арктике распространён феномен «вещного минимализма» (Головнёв 2019), предполагающий, что одна вещь может выполнять несколько функций (Давыдов 2020), в статье было показано, что наличие и функционирование отдельных объектов или их комплексов обусловлено их вписанностью в связи с другими объектами. Локальное дискурсивное поле формируется в конкретном ландшафте, характеризующемся устойчивостью материальных, генеалогических и практических сфер (Зензинов 1914; Биркенгоф 1972; Чикачёв 1990).

Родственные отношения в Русском Устье также обладают диахронной глубиной и синхронной шириной: на протяжении нескольких столетий здесь в основном проживают представители ограниченного круга фамилий, которые длительно связаны друг с другом, с хозяйственными практиками и окружающей их средой «медленного мира» (Туторский 2019). Набор вариантов деятельности, значительно расширившийся в советский период, впрочем, по сей день остаётся довольно стандартным и ограниченным: рыболовство и охота как основные «производственные» направления хозяйства, необходимо обрамляемые административной и социальной деятельностью, ЖКХ, работой на дизельной электростанции, что в условиях малочисленности и нехватки кадров приводит к феномену множественности навыков и социальных ролей, удерживающему и «уплотняющему» локальное социальное поле (Энергия Арктики и Сибири... 2020). Приведённые выше параметры имеют материальную основу, тоже довольно медленно меняющуюся и расте-

кающуюся по практикам, социальным связям, коллективной памяти. Данная компонентная сложность существует в двух режимах: как единое дифференцированное социальное пространство, формирующее феномен села, и в качестве распределённых по территории тундры структурно схожих модулях в виде промысловых участков. Увеличение количества связей (функциональных и нефункциональных, визуализируемых и невизуализируемых) между объектами окружающего пространства создаёт подходящую инфраструктуру для того, чтобы отдельные компоненты этого пространства давали синергетический эффект и результат, необходимый местным жителям для выполнения повседневных задач, достижения чувства комфорта и безопасности. В результате увеличения связности формируется поле отношений, в котором отдельные элементы становятся не просто хаотичным набором объектов и практик, но выступают в качестве «букв» одного «алфавита»; формируется локальная системность как область «повышенной взаимной связи» между компонентами (Кнорозов 2018: 28). Взаимное вхождение в деятельность людей, занятий, навыков, вещей, воспоминаний, их комбинаций создаёт многомерный и согласованный адаптивный комплекс элементов, где потенциал практического действия отдельных единиц определяется увеличением их связи (и *связности* как возможности включения в общее практическое поле) с другими элементами.

В соответствии с концепцией Т. Ингольда, со временем, в процессе деятельности происходит постоянное становление феноменов, которые не даны изначально (2014); то же характерно и для агентивного реализма К. Барад, провозглашающей перформативность материальности (2003). Я хотел бы предложить уточнение, согласно которому развиваемые исследователями положения не являются холистическими, поскольку взаимодействие между объектами становления происходит неравномерно и неоднородно в каждой точке пространства. Следует акцентировать внимание на том, что данный процесс имеет разную степень выраженности и проявленности. Безусловно, всё так или иначе связано со всем (как утверждает Ж. Делёз в «Лекциях о Лейбнице», «необходимо, чтобы каждый субъект, каждое индивидуальное понятие субъекта включало тотальность мира...» (2015: 31)), однако среди сплошного океана отношений между объектами, существуют «области повышенной взаимной связи», о которых писал Ю.В. Кнорозов (2018: 28) и которые формируют ступки – зоны системных эффектов взаимосвязей.

Список источников

- Ассман А. Трансформация нового режима времени // Новое литературное обозрение. 2012. № 4. С. 16–31.
- Биркенгоф А.Л. Потомки землепроходцев: Воспоминания, очерки о русских поречанах низовьев и дельты р. Индигирки. М.: Мысль, 1972.

- В старинном селе Русское Устье в Арктике запущена новая дизель-электростанция // Sakha News. Новости Якутии и Якутска. URL: <https://www.1sn.ru/print.php?id=82507> (дата обращения: 23.11.2021).
- Василевич Г.М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969.
- Вахтин Н.Б., Головки Е.В., Швайцлер П.* Русские старожилы Сибири. Социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое издательство, 2004.
- Волдина Т.В.* «Долгой жизни вечный танец»: реинкарнация в контексте мифоритуальных традиций обских угров. Ч. 1. Тюмень: ФОРМАТ, 2016.
- Головнёв А.В.* Кочевники Севера: ментальность и мобильность // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 15–25.
- Головнёв А.В., Куканов Д.А., Перевалова Е.В.* Арктика: атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018.
- Гурвич И.С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966.
- Давыдов В.Н.* Контейнеризация Арктики: мобильные модули освоения пространства на Крайнем Севере // Кунсткамера. 2020. № 3. С. 121–129.
- Делёз Ж.* Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
- Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Зензинов В.М.* Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М.: Типография П.П. Рябушинского, Страстной бульвар, соб. домъ, 1914.
- Карасева А.И.* Разомкнутая модерность: коммунальная авария в сенсорном ландшафте северного поселка городского типа // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 122–146.
- Кнорозов Ю.В.* Избранные труды. СПб.: МАЭ РАН, 2018.
- Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Неприкосновенный запас. 2004. № 2 (34). С. 5–19.
- Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
- Левин М.Н., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
- Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Издательство СПб. ун-та, 1999. С. 17–50.
- ПМА 2019. Полевые материалы автора. Посёлок Чокурдах, село Русское Устье, Аллаиховский улус, Республика Саха (Якутия).
- ПМА 2022. Полевые материалы автора. Санкт-Петербург, беседа с информантом из Русского Устья.
- Рахманова Л.Я.* «Ты зачем деньги ешь?»: о ресурсной и нересурсной природе рыбы // Кунсткамера. 2020. № 1 (7). С. 79–86.
- Романова Е.Н.* Традиционные представления и религиозные верования саха // Народ саха от века к веку: очерки истории. Новосибирск: Наука, 2003. С. 73–93.
- Сирина А.А.* Эвенки и эвены в современном мире: Самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Вост. лит., 2012.
- Туторский А.В.* Медленные миры южных океанов и таежных морей. М.: Ноократия, 2019.
- Филиппова В.В.* Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX в. Новосибирск: Наука, 2007.
- Фольклор Русского Устья / отв. сост. С.И. Лебедев, И.А. Мещерский. Л.: Наука, 1986. С. 337–356.
- Чикачёв А.Г.* Русские арктические старожилы Якутии. М.: Интротек, 2002.
- Чикачёв А.Г.* Русские в Арктике: полярный вариант культуры: историко-этнографические очерки. Новосибирск: Наука, 2007.

- Чикачёв А.Г. Русские на Индигирке. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1990.
- Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2019.
- Шахова В.И. Родовая община «Русское Устье». Якутск: Бичик, 2013.
- Широкогоров С.М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп). М.: Наука – Восточная литература, 2017.
- Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений / отв. ред. В.Н. Давыдов. М.: Вост. лит., 2020.
- Anand N. Pressure: The PoliTechnics of Water Supply in Mumbai // *Cultural Anthropology*. 2011. Vol. 27, Is. 4. P. 542–564.
- Anand N. Leaky States: Water Audits, Ignorance, and the Politics of Infrastructure // *Public Culture*. 2015. № 27 (2). P. 305–330.
- Antczak K.A., Beaudry M.C. Assemblages of Practice. A conceptual Framework for Exploring Human-Thing Relations in Archaeology // *Archaeological Dialogues*. 2019. № 26. P. 87–110.
- Barad K. Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter // *Signs*. 2003. Vol. 28, № 3. P. 801–831.
- Bereznitsky S.V. Fine-tuning Own World // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2022. Vol. 15, № 2. P. 220–233.
- Davydov V.N. Temporality of Movements in the North // *Sibirica*. 2017. Vol. 16, № 3. P. 14–34.
- Gell A. *Art and Agency: An Anthropological Theory*. Oxford: Clarendon, 1998.
- Ingold T. Being Alive to a World without Objects // *The Handbook of Contemporary Animism*. Abingdon; New York: Routledge. Taylor & Francis Group, 2014. P. 213–225.
- Ingold T. *Correspondences*. Aberdeen: University of Aberdeen, 2017.
- Ingold T. *Making: Anthropology, Archaeology, Art and Architecture*. L.; N.Y.: Routledge, 2013.
- Ingold T. One World Anthropology // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2018. № 8 (1/2). P. 158–171.
- Ingold T. *Being Alive: Essays on Movement, Knowledge and Description*. London: Routledge, 2011.

References

- Anand N. (2011) Pressure: The PoliTechnics of Water Supply in Mumbai, *Cultural Anthropology*, Vol. 27, Issue 4, pp. 542–564.
- Anand N. (2015) Leaky States: Water Audits, Ignorance, and the Politics of Infrastructure, *Public Culture*, no. 27(2), pp. 305–330.
- Antczak K.A., Beaudry M.C. (2019) Assemblages of Practice. A conceptual Framework for Exploring Human-Thing Relations in Archaeology, *Archaeological Dialogues*, no. 26, pp. 87–110.
- Assmann A. (2012) Transformatsiia novogo rezhima vremeni [Transformation of the New Time Regime], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4 (116), pp. 16–31.
- Barad K. (2003) Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter, *Signs*, Vol. 28, no. 3, pp. 801–831.
- Bereznitsky S.V. (2022) Fine-Tuning Own World, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 15(2), pp. 220–233.
- Birkengof A.L. (1972) *Potomki zemleprokhodtsev: Vospominaniia ocherki o russkikh porechanakh nizov'ev i del'ty r. Indigirki* [Descendants of Explorers: Memoirs, Essays on

- the Russian Porechans of the Lower Reaches and Delta of the Indigirka River]. Moscow: Mysl'.
- Chikachev A.G. (1990) *Russkie na Indigirke. Istoriko-etnograficheskii ocherk* [Russians on Indigirka River: Historical and Ethnographic Essays]. Novosibirsk: «Nauka».
- Chikachev A.G. (2002) *Russkie arkticheskie starozhily Yakutii* [Russian Arctic Old-Settlers of Yakutia]. Moscow: Introtek.
- Chikachev A.G. (2007) *Russkie v Artike: poliarnyi variant kul'tury: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Russians in the Arctic: A Polar Version of Culture: Historical and Ethnographic Essays]. Novosibirsk: Nauka.
- Chislennost' naseleniia Rossiiskoi Federatsii po munitsipal'nym obrazovaniim na 1 ianvaria 2019 goda [Population of the Russian Federation by Municipalities as of January 1, 2019]. Moscow: Federal'naiia sluzhba gosudarstvennoi statistiki (Rosstat), 2019.
- Davydov V.N. (2017) Temporality of Movements in the North, *Sibirica*, Vol. 16, no. 3, pp. 14–34.
- Davydov V.N. (2020) Konteinerizatsiia Arktiki: mobil'nye moduli osvoeniia prostranstva na Krainem Severe [Containerization of the Arctic: Mobile Modules of Space Appropriation in the Far North], *Kunstkamera*, no. 3, pp. 121–129.
- Deleuze G. (2015) *Lektsii o Leibnitse. 1980, 1986/87* [Lectures on Leibniz. 1980, 1986/87]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Descola P. (2012) *Po tu storonu prirody i kul'tury* [Beyond Nature and Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Energiia Arktiki i Sibiri: ispol'zovanie resursov v kontekste sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenii [Energy of the Arctic and Siberia: the use of resources in the context of socio-economic changes]. Ed. by V.N. Davydov. Moscow: Izd-vo Vost. lit., 2020.
- Filippova V.V. (2007) *Korennye malochislennye narody Severa Yakutii v meniaiushchemsia prostranstve zhiznedeiatel'nosti: vtoraiia polovina XX v.* [Indigenous Peoples of the North of Yakutia in the Changing Space of Life: The Second Half of the 20th century]. Novosibirsk: Nauka.
- Fol'klor Russkogo Ust'ia [Folklore of Russkoie Ustie]. Compiled by S.I. Lebedev, I.A. Meshcherskii. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1986, pp. 337–356.
- Gell A. (1998) *Art and Agency: An Anthropological Theory*. Oxford: Clarendon.
- Golovnev A.V. (2019) Kochevniki Severa: mental'nost' i mobil'nost' [Nomads of the North: Mobility and Mentality], *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 3, pp. 15–25.
- Golovnev A.V., Kukanov D.A., Perevalova E.V. (2018) *Arktika: atlas kochevykh tekhnologii* [Arctic: Atlas of Nomadic Technologies]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Gurvich I.S. (1966) *Etnicheskaiia istoriia Severo-Vostoka Sibiri* [Ethnic History of the Siberian North-East]. Moscow: Nauka.
- Ingold T. (2011) *Being Alive: Essays on Movement, Knowledge and Description*. London: Routledge.
- Ingold T. (2013) *Making: Anthropology, Archaeology, Art and Architecture*. L.; N.Y.: Routledge.
- Ingold T. (2014) Being Alive to a World without Objects. In: *The Handbook of Contemporary Animism*. Abingdon-New York: Routledge. Taylor & Francis Group, pp. 213–225.
- Ingold T. (2017) *Correspondences*. Aberdeen: University of Aberdeen.
- Ingold T. (2018) One World Anthropology, *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, no. 8(1/2), pp. 158–171.
- Karaseva A.I. (2018) Razomknutaia modernost': kommunal'naia avariia v sensornom landshafte severnogo poselka gorodskogo tipa [Modernity Unplugged: The Failure of Public Utilities in the Sensory Landscape of the Northern Town], *Antropologicheskii forum*, no. 38, pp. 122–146.
- Knorozov Iu.V. (2018) *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. St. Petersburg: MAE RAN.

- Latour B. (2004) Gde nedostaiushchaia massa? Sotsiologiia odnoi dveri [Where are the missing masses? Sociology of a few mundane artifacts], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2 (34), pp. 5–19.
- Latour B. (2020) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor–Network Theory]. Moscow: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki.
- Levin M.N., Cheboksarov N.N. (1955) Khoziaistvenno-kul'turnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti [Economic and Cultural Types and Historical and Ethnographic Areas], *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 3–17.
- Nora P. (1999) Problematika mest pamiati [Problems of Sites of Memory]. In: *Frantsiia-pamiat'* [France – Memory]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 17–50.
- PMA 2019. Polevye materialy avtora [Author's Field Materials]. Poselok Chokurdakh, selo Russkoe Ust'e, Allaikhovskii ulus, Respublika Sakha (Iakutiia).
- PMA 2022. Polevye materialy avtora [Author's Field Materials]. Sankt-Peterburg, beseda s informantom iz Russkogo Ust'ia.
- Rakhmanova L.Ya. (2020) «Ty zachem den'gi esh'?»: o resursnoi i neresursnoi prirode ryby [“What are You Eating Money For?” – On the Resource and Non-resource Nature of Fish], *Kunstkamera*, no. 1 (7), pp. 79–86.
- Romanova E.N. (2003) Traditsionnye predstavleniia i religioznye verovaniia sakha [Traditional Ideas and Religious Beliefs of the Sakha]. In: *Narod sakha ot veka k veku: ocherki istorii* [The Sakha People from Century to Century: Essays on History]. Novosibirsk: Nauka, pp. 73–93.
- Shakhova V.I. (2013) *Rodovaia obshchina «Russkoe Ust'e»* [Indigenous Community “Russkoie Ustie”]. Iakutsk: Bichik.
- Shirokogorov S.M. (2017) *Sotsial'naia organizatsiia severnykh tungusov (s vvodnymi glavami o geografii rasseleniia i istorii etikh grupp)* [Social Organization of the Northern Tungus (with Introductory Chapters on the Geography of Settlement and the History of These Groups)]. Moscow: Nauka-Vostochnaia literatura.
- Sirina A.A. (2012) *Evenki i eveny v sovremennom mire: Samosoznanie, prirodopol'zovanie, mirovozzrenie* [Evenks and Evens in the Modern World: Self-Consciousness, Environmental Management, Worldview]. Moscow: Vost. lit.
- Tutorskii A.V. (2019) *Medlennye miry iuzhnykh okeanov i taezhnykh morei* [Slow Worlds of the Southern Oceans and Taiga Seas]. Moscow: Nookratiia.
- V starinnom sele Russkoe Ust'e v Arktike zapushchena novaia dizel'-elektrostantsiia [A New Diesel Power Plant has been Launched in the Ancient Village of Russkoie Ustie in the Arctic], *Sakha News. Novosti Iakutii i Iakut'ska*. Available at: <https://www.lsn.ru/print.php?id=82507> (Accessed 23 November 2021).
- Vakhtin N.B., Golovko E.V., Shvaitser P. (2004) *Russkie starozhily Sibiri. Sotsial'nye i simvolicheskie aspekty samosoznaniia* [Russian Old-Settlers of Siberia. Social and Symbolic Aspects of Self-consciousness]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Vasilevich G.M. (1969) *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [The Evenks. Historical and Ethnographic Essays (18th – early 20th century)]. Leningrad: Nauka
- Voldina T.V. (2016) «Dolgoi zhizni vechnyi tanets»: reinkarnatsiia v kontekste miforitual'nykh traditsii obskikh ugrov [“Long Life Eternal Dance”: Reincarnation in the Context of Mythological and Ritual Traditions of the Ob Ugrians]. Book 1. Tiumen': FORMAT.
- Zenzinov V.M. (1914) *Starinnye liudi u kholodnogo okeana. Russkoe Ust'e Iakutskoi oblasti Verkhoianskogo okruga* [Ancient people by the cold ocean. Russkoie Ustie, Yakutsk Region, Verkhoyansk District]. Moscow: Tipografiia P.P. Riabushinskogo, Strastnoi bul'var, sob. dom".

Сведения об авторе:

ГОНЧАРОВ Николай Сергеевич – младший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: nikola.gon4arov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nikolai S. Goncharov, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: nikola.gon4arov@yandex.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 24 ноября 2021 г.;
принята к публикации 27 ноября 2022 г.*

*The article was submitted 24.11.2021;
accepted for publication 27.11.2022.*